

внушениях ливов, ни о намерениях короля, получили приказ явиться пред лицо короля, а там их, при ливах, спросили, какова причина их прихода. Они объяснили, что пришли ради мира и дружбы, а в это время ливы, наоборот, заявили, что тевтоны и не хотят и не соблюдают мира. Речь их полна была проклятий и желчи, а короля они больше подстрекали начать войну, чем заключить мир. Боясь однако обнаружить открыто свои тайные намерения, король велел тевтонам удалиться и ждать на подворье, но когда аббат обдумал положение, ему удалось дарами и деньгами подкупить одного из королевских советников, и план, который долго скрывали, тут же и был выдан. Когда он обнаружился, дивное провидение Божье помогло аббату, и дела пошли лучше. Аббат с помощью Божьей узнал, что в городе есть один бедняк из замка Гольм, нанял его за полмарки серебра, вручил ему свое письмо и через него сообщил господину епископу рижскому и всей церкви верующих о том, что слышал и видел. Тогда многие пилигримы, собиравшиеся отплыть за море, снова приняли крест и вернулись, да и сам епископ, намеревавшийся уехать вместе с другими, простился с отплывающими и возвратился к своим.

Когда король узнал о поступке аббата, то призвав его, спросил, посылал ли он гонца в Ригу, и тот, не побоявшись короля, признал, что послал письмо через одного человека. Позднее послы, отправленные из Риги вместе с ним, боясь гнева короля, стали умолять и уговаривать аббата отказаться от своих слов. Он однако, зная, что "раз промолвишь, навек улетит невозвратное слово", ни под каким видом не желал взять назад то, что говорил королю.

Король понял, что так он ничего не добьется, поскольку план его выдан, и замыслил хитрость, раз не удалось действовать военной силой. Ведь тот, кто с видом голубки говорит ласковые слова, иногда ранит так же, как змея в траве.

Аббата отпустили домой, но вместе с ним отправили русских послов с мирными речами, но коварной мыслью. Выслушав обе стороны, ливов и епископа, они должны были решить, кто прав, чтобы это решение и соблюдалось.

Отпущенные королем послы очень быстро добрались до русского замка Куке-нойса и оттуда отправили в Ригу вместе с аббатом одного диакона Стефана (но не первомученика) приглашали епископа встретиться с послами и назначили для переговоров день 30 мая, а место -- близ реки Воги. Остальные, рассыпавшись во все стороны по области, стали звать ливов и лэттов, собственно, называемых лэтигал-лами, явиться при оружии. Ливы пришли с намерением не столько выполнять волю короля, сколько содействовать гибели христиан. Лэтты же или лэтигаллы, которые, хоть и оставались еще язычниками, но были хорошего мнения о жизни христиан и желали им добра, не явились на эти коварные переговоры, и даже подарки, поднесенные им русскими, не могли склонить их ко злу против тевтонов. Господин епископ, приглашенный на эти переговоры королевским послом, вышеупомянутым Стефаном, по совету своих дал такой ответ: "Во всех странах, как известно, существует общий обычай, чтобы послы, отправляемые своими господами, сами искали того, к кому посланы, и являлись к нему, но никогда государь, как бы скромн или любезен он ни был, не выходит из своих укреплений навстречу послам. Поэтому и послам и их гонцам надлежит искать нас в нашем городе, где мы со своими могли бы и принять, и содержать их с большим почетом. Итак, пусть пожалуют, ничего не боясь, ожидая почетного приема".

С приближением назначенного дня вооруженные ливы собрались на переговоры у реки Воги. Старейшины же из замка Гольм, зачинщики всего злого дела, пришли к ним на корабле и, пристав к замку Икесколе, стали звать с собой и икескольцев. Тевтоны, однако,